„Разрушение Реймского собора“, „Король, закон и свобода“, но уже в январе 1915 года оказалось, что эти спектакли не нужны, так быстро прошло это настроение, и стали ставить в театрах пьесы другие — несовременные. В театре наступило жуткое время. И война, и тыл, и окружающая обстановка были страшны. Пришла волна богатых беженцев, новые богачи ворвались в театральные партеры; среди них было множество тех, которые попали в столичные театры в первый раз, и они наложили на театры свои торгашеские руки.

Летом 1915 года немецкой армией была взята Варшава, русская армия панически отступала, в тылу происходили большие изменения, общественное мнение требовало ответственного министерства, — театр стал местом только развлечения.

И вот с 1915 года, по-моему, для Художественного театра начался ущербный период, затянувшийся на долгие годы. Поэтому когда говорят, Художественный театр растерялся перед революцией — это не верно. Художественный театр „растерялся“ в 1915 году, когда почувствовал невозможность творить. Когда же пришла революция, фактически эта растерянность лишь продолжалась. Конечно, эта растерянность окончилась бы очень быстро, если бы не случилось катастрофы 1919 года, т.-е. не очутилась за границей так называемая „качаловская группа“. Это еще продлило бездейственный период Художественного театра.

Но так ли он был „бездействен?“ Ведь мы поступаем очень неблагодарно по отношению к Художественному театру, когда говорим, что действенный период начинается с „Бронепоезда“. А до „Бронепоезда“? Ничего не было сказано о создании МХАТ II, о постановке „Ревизора“, о создании театра Вахтангова, Оперной студии К. С. Станиславского, Музыкальной студии Вл. Ив. Немировича-Данченко, о Реалистическом театре. Что это, как не „постановки“ Художественного театра, как не результаты работы в то время, когда театр жил, по выражению Конст. Серг., не как театр, а как подобие театра? Поэтому нужно быть также справедливым и сказать, что не „Бронепоездом“ и даже не „Пугачевщиной“ началась работа МХТ на пользу современности, а тем, что Художественный театр создал ту сеть московских театров, которые ставят и будут ставить революционные пьесы.

Когда в 1922 году вернулась качаловская группа, то это опять было трудным временем. Умер Вахтангов. Кончался какой-то театральный период. Как-то все совпало, было тревожно. Вот, после „Гадibuка“ и „Принцессы Турандот“ думалось, что пришел великий режиссер, а этот великий режиссер умер. Приехали люди, скитавшиеся 3 года по Европе, именно не жившие там в свое удовольствие, а скитавшиеся с большими лишениями и большим трудом, — приехали, надо было начинать сезон, а как было начинать, когда опять снова нужно было пришлифовываться, снова надо было повторять в миниатюре историю

1898 года. И тут Художественный театр уехал снова в заграничное плавание и там свершил эту пришлифовку в течение 2 лет.

Это же самое время в Москве оставался Владимир Иванович Немирович-Данченко и он произвел большие и нужные реформы в организации студийной системы. Студии перестали быть студиями и стали театрами. Тут получилось нечто вроде Сев. Ам. Соед. Штатов, с их отпадением от Англии в свое время.

Но вот наступил 1924 год, вернулись заграничные странники, нужно было создавать труппу. Это было нелегко. Труппа, правда, была создана, но, когда шло возобновленное „Горе от ума“, пропасть лежала между игрой К. С. Станиславского и выступлениями молодежи. Получалось впечатление очень приятное, но совсем согласное. Нужно было еще добиться того, чтобы одни подросли, другие — помолодели. Для этого нужны были годы. И любопытно, что эти годы для Художественного театра прошли очень быстро, потому что уже осенью 1925 года Художественный театр показал новую постановку „Пугачевщина“, в которой были заняты на равных началах и старые, и молодые члены труппы.

Период с 1924 года можно назвать вновь периодом становления или строительством нового Художественного театра, это не есть замена старого, а это есть строительство заново. Это уж аксиома, что театр существует тогда, когда налицо труппа, а труппа не делается в один сезон. Чтобы сделать первую свою труппу, Художественный театр прожил 4 тяжелых года, и теперь в результате 4 лет (1924 — 1928) новая труппа театра сделана.

Мне остается сказать несколько слов об юбилейном спектакле. Кто был на нем — тот никогда его не забудет, ибо человеческая душа никогда не забывает того, что ее потрясло. В этот вечер у зрителей „слезы невольные и сладкие текли“, а раз так, то значит произошло событие и значит, говоря о Художественном театре, можно сказать словами Достоевского: „Мужички за себя постояли!“. Пожелаем же, чтобы мужички Художественного театра постояли за себя и дальше.

II. ПРИЕМЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕАТРА

Речь В. Г. Сахновского.

Я спрашиваю себя, почему с таким волнением о Художественном театре говорят и явные друзья, и тайные враги. Не потому ли, что Художественный театр оказал колоссальное влияние, влияние как некая личность на современное ему поколение. Наше поколение ощущает на себе его влияние так, как если бы в самом существе этого театра таилось некоторое лицо. Не есть ли на самом деле Художественный театр некое коллективное, и вместе с тем единое лицо, которое столь решительно повлияло не только на художников сцены, но и на своих зрителей?